

Европейская Арктика в XVI—XVIII вв.: модели и практики хозяйственного освоения (крестьянство, купечество, монастыри, государство)

Сергей Никонов

**The European Arctic in the 16th—18th centuries: models and practices
of commercial development (peasants, merchants, monasteries, the state)**

Sergey Nikonov

(Murmansk Arctic State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870017374-2

Прибрежные морские районы и архипелаги Европейской Арктики с эпохи Средневековья стали объектом международного хозяйственного освоения, одним из участников которого была и Россия. Для последней освоение этого обширного региона являлось логическим продолжением колонизации Русского Севера — длительного исторического процесса, начатого не позднее XII—XIII вв. и завершившегося в период Московского государства¹. Здесь сложился ряд историко-этнографических областей, включая Поморье — территорию, охватывающую побережье Белого моря². Особенности экономического развития Русского Севера заключались в преобладании промыслов, среди которых заметное место занимали рыболовный и зверобойный.

История освоения Россией Европейской Арктики имеет давнюю историографическую традицию. Но, несмотря на имеющиеся достижения в изучении проблемы, важной задачей остаётся обобщение опыта промысловой колонизации Европейской Арктики крестьянством и монастырями. Именно благодаря им возникла преемственность хозяйственного освоения территории, начавшаяся ещё в XVI в. В XVIII в. заметной стала роль государства и купечества. Это было вызвано процессами модернизации — попыткой перенести на отечественную почву европейский хозяйственный опыт, включиться в международную торговлю продуктами зверобойного промысла.

Основными районами хозяйственного освоения Европейской Арктики были Мурманский берег (побережье Баренцева моря), архипелаги Шпицберген и Новая Земля. Начало русских промыслов на Мурмане относится к первой половине XVI в., о чём, в частности, говорят грамоты Василия III лопским

© 2021 г. С.А. Никонов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-19-50068. Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-19-50068.

¹ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 1—8; *Очерки по истории колонизации Севера.* Вып. 1. СПб., 1922. С. 7—46; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географические исследования; Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 100—103; *Бернштам Т.А.* Поморья: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 20—35.

² *Бернштам Т.А.* Поморья... С. 54—80; *Колесников П.А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976. С. 48—62.

даньщикам 1517 г., запрещающие вытаскивать суда на берег в районе мыса Святой Нос, а также ловить рыбу на побережье «для чего-либо иного, кроме собственной нужды»³. Промысловая колонизация охватывала не только русскую часть побережья, но и Финнмарк (Северная Норвегия). Русские и датские источники второй трети XVI в. сообщают о ежегодном приезде сюда промышленников, отправлявшихся к городу Вардё и в прибрежные заливы для лова рыбы и жемчуга. Традиция ведения промысла в норвежских водах сохранялась вплоть до начала XIX в.⁴

Промыслы на Новой Земле впервые зафиксированы европейскими путешественниками и монастырскими приходо-расходными книгами второй половины XVI в. В хозяйственных документах регулярно упоминаются продукты этого промысла⁵. Дискуссионным остаётся вопрос о начале русских промыслов на архипелаге Шпицберген (норвеж. Свальбард, русск. Грумант) и острове Медвежьем (норвеж. Бьёрнёйа)⁶. Не принимая во внимание версии об истоках промысла в «новгородский период» как не подтверждённые источниками, отмечу, что заметный прогресс в этом вопросе стал возможен благодаря археологическим исследованиям российских и зарубежных учёных. Если первые на основе полученных результатов допускали возможность начала русских промыслов в середине XVI в., то вторые оспаривали этот вывод. Норвежский археолог Т. Хультгрэн полагает, что русские могли проникнуть сюда не ранее начала XVIII в.⁷ Для всех перечисленных районов свойственны общие черты: удалённость от мест проживания промышленников, труднодоступность и необитаемость, экстремальные природно-географические условия. Тем не менее востребованность продукции на рынке, её широкое использование в питании, а также нерегулируемость хозяйственной деятельности со стороны общины или государства делали участие в промыслах привлекательным.

---

³ *Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в лопской земле // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 26. СПб., 1998. С. 135.

⁴ Русская историческая библиотека. Т. XVI. СПб., 1897. № 17. Стб. 54; *Hansen L.I.* The Overlapping Taxation Areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times // *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders*. М., 2005. P. 57—58; *Крустиансен Т.* «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...». Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 года // *Русский сборник. Исследования по истории России*. Т. 8. М., 2010. С. 26—51; *Никонов С.А.* Промысловая активность крестьян Соловецкого монастыря у берегов Северной Норвегии во второй половине XVIII в. // *Историко-культурное и духовное наследие Соловков*. Сборник тезисов. Соловки, 2018. С. 146—152.

⁵ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 107; *Вейр Херрит де*. Арктические плавания Виллема Баренца, 1594—1597 гг. М., 2011. С. 45, 77, 150, 156, 210—212; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571—1600 гг. / Сост. Е.Б. Французова. М.; СПб., 2013. С. 58, 60, 75, 83, 103, 399, 461—462, 480, 491, 569; *Иванов В.И.* Приходо-расходные книги XVI в. важского Иоанно-Богословского монастыря // *Вестник церковной истории*. 2018. № 3/4(51/52). С. 203, 205.

⁶ *Порцель А.К.* Спор о Шпицбергене: точка не поставлена // *Арктика и Север*. 2011. № 3. С. 1—6.

⁷ *Старков В.Ф.* Первые археологические раскопки на архипелаге Шпицберген. М., 2011. С. 7—30; *Старков В.Ф., Завьялов В.И., Державин В.Л.* Сорок лет российским археологическим исследованиям на Шпицбергене // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 255. М., 2019. С. 221—227; *Hultgreen T.* When Did the Pomors Come to Svalbard? // *Acta Borealia*. 2002. № 2. P. 125—145; *Хультгрэн Т.* Новая интерпретация датирования российских поморских промыслов на Свальбарде (к критике применения В.Ф. Старковым дендрохронологического метода) // *Вестник Баренц-центра МГУ*. Вып. 9. Мурманск, 2010. С. 46—58.

Мурманский берег стал местом сезонного промысла трески и палтуса, продолжавшегося с весны до начала осени. Ежегодно промышленники добирались по суше (через Карелию и Кольский полуостров) или по морю до сезонных поселений — становищ, тянувшихся от мыса Святой Нос до современной границы с Норвегией. Количество становищ на протяжении XVI—XVIII вв. менялось. Наибольшее скопление их было на полуострове Рыбачьем (17 в начале XVII в.), что, на мой взгляд, явилось следствием развития международной торговли⁸.

В промысле участвовали представители разных социальных и территориальных групп населения Русского Севера. Выявить их соотношение для всего изучаемого периода не представляется возможным. В частности, составлявшиеся в Кольском остроге книги «морских становищ», фиксировавшие сбор пошлин с судов промышленников, не сохранились, хотя упоминания о них в документах имеются⁹. Тем не менее, используя такие источники как писцовая книга Кольского уезда 1608—1611 гг., ведомость о сборе пошлин с промысловых судов 1706—1728 гг., статистическое описание Мурманского берега цолнера Петра Лабуткина 1796 г., можно составить общее представление о вовлечённости отдельных районов Русского Севера в мурманский промысел¹⁰. В начале XVII в. среди владельцев жилых и хозяйственных построек в становищах преобладали выходцы из Кольского и Двинского уездов, поморских вотчин Соловецкого монастыря. Поскольку писцовая книга фиксировала не всех промышленников, а только владевших имуществом в становищах, нельзя признать эти данные полными. Ведомость сбора судовых пошлин 1706—1728 гг. содержит сведения о хозяевах артелей, промышлявших на Мурманском берегу. Она даёт более полное представление о территориальном составе промышленников. В первой трети XVIII в. их основную долю (54%) составляли выходцы из поморских вотчин Соловецкого монастыря, а также жители Подвинья (29,2%) и Кольского уезда (7,2%)¹¹.

Цолнер Онежской таможни Пётр Лабуткин собрал исчерпывающие сведения о хозяевах промысла и рядовых промышленниках для 1796 г. Более половины промышленников происходили из Кемского, Кольского, Онежского, Повенецкого и Холмогорского уездов¹².

Монастыри начали заниматься мурманским промыслом в середине XVI в. Одними из первых включились в эту деятельность Соловецкий и Николо-Корельский монастыри. В 1550—1570-х гг. их деятельность ограничивалась торговлей продуктами промысла (рыбой и салом). Это стало возможным благо-

⁸ Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI—XVIII вв. М.; СПб., 2020. С. 113—121.

⁹ РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Кольский уезд), д. 3, л. 2 об.; ф. 159, оп. 3, д. 289, л. 134, 213.

¹⁰ Там же, ф. 1209, кн. 208; Выписка из писцовой книги Алая Михалкова 116, 117, 119 гг. (Писцовая книга 1608—1611 гг.) // Харузин Н.Н. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. С. 411—462; Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 344; Овсянников О.В., Ясински М.Э. Заметки о морском аспекте освоения Русской Европейской Арктики // Лодия. 2008. № 5. Архангельск, 2010. С. 24—144; Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 66—69; Никонов С.А. Статистическое описание мурманского рыбного промысла 1796 года // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7(168). С. 15—20.

¹¹ Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 128—132, 134—135.

¹² Государственный архив Архангельской области (далее — ГА АО), ф. 51, оп. 6, т. 1, д. 249, л. 35—38, 56—69, 72—86.

даря активному развитию международного торгова на полуострове Рыбачьем, а затем и в Коле. Во второй половине XVI в. Печенгский и Кандалакшский монастыри Кольского уезда получали вкладами и покупали избы и хозяйственные постройки в становищах на полуострове Рыбачьем, острове Кильдин и в ряде других мест¹³.

Боле активное вовлечение духовных организаций Русского Севера в мурманский промысел началось во второй половине XVII в. Не позднее 1659 г. здесь стали вести хозяйство Крестный Онежский¹⁴, с середины 1660-х гг. — Соловецкий, не позднее 1670 г. — Антониев-Сийский, в 1680—1681 гг. — Николо-Корельский монастыри. Одним из последних в конце XVII в. в промысел включился Холмогорский архиерейский дом. Если монастыри приобретали становища самостоятельно, то владычному дому промысловые владения были пожалованы в 1685 г.¹⁵

Рыбу добывали и перерабатывали на становищах: весной сушили на свежем воздухе, летом солили. В переработку шла не только тушка, но и субпродукты: языки, печень, плавники, вязига. В хозяйственных документах монастырей встречается разнообразная номенклатура рыбы: большая, средняя и мелкая; по способу посола — односолка и двоесолка¹⁶.

Сезонный характер имел и зверобойный промысел на архипелаге Новая Земля. По данным промышленника Ивана Шухобова, приведённым в записках академика И.И. Лепехина, на западном побережье острова Южного поморы останавливались в девяти местах. Несколько станов действовало на острове Северном и малых островах архипелага. Немалую роль в освоении Новой Земли сыграл Пустозерский острог, основанный на р. Печоре в 1499 г. Сюда, по данным писцовой книги 1574—1575 гг., приходили «двиняне, устюжане и пеньяжане» для последующего похода на «морские острова» промыслить моржа. На Печору вели возникшие ещё в эпоху Средневековья тракты, отправными точками которых были Мезень, Пинега, Усть-Цильма¹⁷.

Наиболее заметным в промысловой колонизации архипелага было участие крестьян Мезенского уезда. Об этом говорят данные местной таможни. Цар-

¹³ Архив СПбИИ РАН, кол. 115, д. 934, л. 18 об.; д. 935, л. 10 об., 37 об., 43 об., 58; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря... С. 129—130; *Громыко М.М.* Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI веке // Средние века. Вып. 17. М., 1960. С. 225—256; *Ушаков И.Ф., Дащинский С.Н.* Кола. Мурманск, 1983. С. 10—14; *Вальдман К.Н.* Ценный источник о торговле англичан на Мурмане в XVI веке // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. Вып. 1. 1990. С. 23—31; *Державин В.Л.* Северный Мурман в XVI—XVII вв. М., 2006. С. 88—96; *Никонов С.А.* Промысловые становища Кандалакшского Пречистенского монастыря на Мурманском берегу во второй половине XVI — первой трети XVIII веков // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 7(112). С. 16—18; *Никонов С.А.* Промысловые владения Троицкого Печенгского монастыря на Мурманском берегу во второй половине XVI — середине XVII века // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 1(146). С. 7—12.

¹⁴ Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. Л., 1930. С. 101.

¹⁵ РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 4454, л. 1; Архив СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 2, д. 26, л. 20 об.; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб., 1842. № 188. С. 359; *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с Холмогорской епархией за первые 20 лет её существования и вообще Русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 280; *Никонов С.А.* «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 126.

¹⁶ РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 703, л. 68—68 об.; оп. 5, д. 3008, л. 3; д. 4026, л. 4 об.—5; д. 4287, л. 27 об.

¹⁷ *Окладников Н.А.* Пустозерск и Пустозерье. Из истории Печорского края. Архангельск, 2010. С. 18—27.

ский указ 1636 г. предписывал двинским властям купить «кость рыба зубу (моржовый клык. — С.Н.)». Для этой цели на Мезень отправили двинского таможенного целовальника Ивана Косицына. В сделанных им выписках из мезенских таможенных книг указаны имена 18 промышленников из Мезенского и Кеврольского уездов, по всей видимости, являвшихся руководителями артелей. Об этом говорит упоминание в записях «товарыщей», совместно с которыми подавались сведения в таможеню. Всего ими было задекларировано 913 моржовых клыков, добытых в промысловый сезон 1636 г.¹⁸ По данным таможенных книг Холмогор и Усть-Пинеги, на рубеже XVII—XVIII вв. в промыслах участвовали выходцы из Двинского и Пинежского уездов¹⁹.

Во второй половине XVIII в. по-прежнему заметным оставалось участие в новоземельском промысле крестьян Мезени. В 1766 г. по приказу архангельского губернатора Е.А. Головцына был учинён розыск кормщиков, ходивших на зверобойные промыслы к Новой Земле и Шпицбергену. Самыми опытными оказались выходцы из Окладниковой и Кузнецовской слободки Мезени Х. Инков, И. Мелехов, И.Н. Сопочкин, А.А. Роднин и Мудьюжской волости И. Морозов. Поиск кормщиков, видимо, был вызван подготовкой высокоширотной экспедиции В.Я. Чичагова на Шпицберген²⁰.

Количественные данные об участии мезенских мещан и крестьян в новоземельском промысле обнаруживаются в списках «водоходцев», составленных местными властями в 1791 г. по распоряжению наместника Олонецкой и Архангельской губернии И.Р. Ливена о предоставлении сведений о мужчинах призывного возраста, участвовавших в морских промыслах, которых могли привлечь к службе на флот. Согласно спискам, из 162 мужчин Мезени, участвовавших в разных промыслах, на Новую Землю выходило 40 человек (25% от общего числа); 49% промышленников занимались рыбным промыслом в районе Мезенской губы²¹.

Духовные организации включились в освоение Новой Земли не ранее второй половины XVII в. Не позднее 1653 г. начал промысел Красногорский Богородицкий, в 1690 г. — Николо-Корельский, не позже 1692 г. — Антониев-Сийский монастыри, в 1694 г. — Холмогорский архиерейский дом²². Неблагоприятные обстоятельства вынудили духовные организации отказаться от новоземельского промысла. В 1696 г. при возвращении с промысла разбился один из кочей архиерейского дома, в 1700 г. — два коча Красногорского монастыря²³. После 1695 и 1701 гг. соответственно прекратили промысел Антониев-Сийский и Николо-Корельский монастыри.

¹⁸ РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1636 г., д. 62, л. 2—4.

¹⁹ Белов М.И. Арктическое мореплавание... С. 54—55; Овсянников О.В., Ясински М.Э. Волоки вдоль Ледовитого океана — древняя дорога торговли, промыслов, этнических контактов (материал к дискуссии) // Мезень и Мезенский край в истории отечества и Баренцева региона. Сборник статей. Ч. 2. Архангельск, 2006. С. 42—43; Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А. Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII — начале XIX в. Исследование. Документы. М.; СПб., 2017. С. 309.

²⁰ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 4, д. 7114, л. 23, 47, 53; Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика. Из истории географической науки и географических открытий. М.; Л., 1949. С. 145—146, 241—243; Белов М.И. Арктическое мореплавание... С. 365—366, 370—371.

²¹ ГА АО, ф. 1, оп. 2, т. 1, д. 525, л. 1—1 об., 134—136 об.

²² Там же, ф. 191, оп. 1, д. 896, л. 18—19 об.; оп. 2, д. 38, л. 2—3; Архив СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 2, д. 77, л. 32; д. 78, л. 9 об.—10; Верюжский В.М. Указ. соч. С. 423—424.

²³ Макарий (Миролюбов), архиеп. Историческое описание Красногорского монастыря. М., 1880. С. 21.

Участие жителей Поморья в промысле на Шпицбергене прослеживается в источниках только с начала XVIII в. В 1710 и 1712 гг. выходцы из Архангельска, Холмогор и Холмогорского уезда снаряжали суда для промысла на Груманте. Для некоторых из них зверобойные промыслы были не единственным занятием: они отправляли суда в «Аглинскую, Дацкую, в Галанскую земли и в Амбарг», где торговали разными товарами, в том числе хлебом. Известно, что среди зачинателей торговли со странами Западной Европы были братья Осип и Федор Баженины, Никита Крылов — основатели европейского кораблестроения на Русском Севере²⁴.

Крестьяне Мезенского уезда, имевшие опыт зверобойных промыслов в арктических водах, организовывали и походы на Грумант. В 1743 г. мезенский крестьянин Емельян Воронцов отправил артель на Шпицберген. При возвращении с промысла судно попало в шторм и разбилось. В 1759 и 1765 гг. сюда ходили артели крестьянина Окладниковой слободки Мезени Ивана Мелехова²⁵. По материалам списков «водоходцев», наиболее занятыми в походах на Грумант были крестьяне Шенкурского уезда. В списках указаны данные об участии крестьян в промыслах не только в 1791 г., но и в предыдущие десятилетия. «Ветеранами» промысловых экспедиций были крестьяне Иван Ошкурков и Артамон Козлов. Первый ходил на Грумант ещё в 1751 г., второй — с 1762 по 1778 г. Ещё несколько крестьян заявили о своих походах на Грумант и Новую Землю в 1760—1761, 1763, 1770 гг., остальные — в период с 1770-х по 1789 г. Для большинства крестьян поход к арктическим архипелагам был единичным событием в жизни. В промысле на Груманте участвовали и крестьяне Онежского уезда: 53 человека из 350, приведённых в списках «водоходцев»²⁶.

Наряду с крестьянством промыслами на Шпицбергене занималось и Выгорское старообрядческое общежительство. Одно из первых свидетельств о промысле выговцев относится к 1726 г. В ходе их промысловой колонизации на Груманте возникали сезонные станы. В настоящее время выявлены остатки нескольких десятков русских жилищ, обнаруженных на всей территории островов Шпицберген и Эдж²⁷.

Грумант не был притягателен для монастырей. В 1737 г. попытку вести здесь промысел моржа предпринял Соловецкий монастырь. Однако, не имея опыта организации подобного хозяйства, обитель обратилась к Выгорскому

---

²⁴ *Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А.* Поморские промыслы... С. 310; *Ретин Н.Н.* Торговля России с европейскими странами на отечественных судах (конец XVII в. — середина 60-х гг. XVIII в.) // Исторические записки. Вып. 112. М., 1985. С. 158.

²⁵ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 4, д. 6002, л. 19; д. 7114, л. 51 об.; *Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А.* Поморские промыслы... С. 317—318.

²⁶ ГА АО, оп. 2, т. 1, д. 525, л. 69 об.—71, 73 об., 100—106 об.

²⁷ *Соколовская М.Л.* Крестьянский мир как основа формирования Выговского общежительства // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). Сборник научных трудов. М., 1999. С. 269—279; *Хрущкая Л.Н.* Из истории миссионерской и промысловой деятельности выговцев в Архангелогородской губернии // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Материалы. Т. 1. М., 2014. С. 108—123; *Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э.* Европейская Арктика: морские зверобойные промыслы Выговского старообрядческого общежительства в XVIII—XIX веках: суда, кормишки, работные люди: (к исследованию поморской экономической структуры). Архангельск, 2016; *Юхименко Е.М.* Выголексинское общежительство // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 57—58; *Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А.* Поморские промыслы... С. 315—316; *Визе В.Ю.* Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. М.; Л., 1948. С. 82; *Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики. Т. 1. М., 1998. С. 56.

общежителю, предоставившему помощь кормщика Саввы Ларионова²⁸. О повторных попытках монастыря вести здесь промысел не известно.

Основным объектом охоты были морские млекопитающие. В этнографических материалах второй половины XVIII в. раскрывается технология промысла. Разместившись в стане и обустроив жилище, промышленники разъезжались в разные места в небольших судах — карбасах. Зверя били ружьями и гарпунами (носками и спицами) как в открытом море на льдинах, так и на берегу²⁹. Добытое сало грузили в бочки и вывозили на материк. Красногорский монастырь во второй половине XVII в. имел несколько салотопных ям и амбар для хранения вытопленного сала на Сальном берегу в Архангельске. Антониев-Сийский монастырь в сентябре 1694 г. арендовал двор и салотопный котёл в Архангельске³⁰.

Ведение промыслов монастырями и крестьянами на отдалённых территориях и архипелагах Европейской Арктики требовало соответствующей организации. Начиная с осени крестьяне готовили к походу на Мурманский берег снасти, продуктовые запасы, соль для посола рыбы. Сорокский крестьянин Мирон Кошкин в феврале 1768 г. доносил архимандриту Соловецкого монастыря, что уже подготовил «к наступающему лету хлебных и харчевых припасов, также промышленных снастей и протчих материалов потребное число». Деньги на покупку припасов занимал у других крестьян³¹. Если Кошкин участвовал в промысле в кооперации с крестьянами, владевшими морским судном, то у других промышленников такой возможности могло и не оказаться. В этой ситуации необходимо было договариваться с более состоятельными хозяевами о транспортировке грузов к месту промысла и обратно. Примером этого является деятельность промышленников из Шуерецкой волости Никиты Чиракина и Власа Ермолина, владевших крупным морским судном «Святой Андрей Первозванный». В июле 1795 г. судно отправилось в становища Мурманского берега для доставки продовольствия и снастей к промысловому сезону 1796 г. Помимо собственных, компаньоны перевозили и запасы других хозяев³².

В духовных организациях Поморья промысел планировался монастырскими властями и тщательно документировался. В Николо-Корельском монастыре казначеи выдавали средства на содержание артели, закупку снастей, ремонт судна и т.п., по окончании промысла осуществляли покупку рыбы у промышленников и вычеты из покрута за денежные ссуды и натуральные дачи. По данным прихода-расходной книги Николо-Корельского монастыря 1719—1720 гг., казначей старец Макарий выступил ответственным лицом при заключении до-

²⁸ Никонов С.А. Зверобойный промысел Соловецкого монастыря на архипелаге Шпицберген в конце 1730-х гг. // Полярные чтения на ледоколе «Красин» — 2018. Технология и техника в истории освоения Арктики. СПб., 2019. С. 12—23.

²⁹ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. 4. СПб., 1805. С. 145; Ефименко А.Я. Артели Архангельской губернии. Ч. 1 // Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 64; Ле Руа П.Л. Приключения четырёх российских матросов к острову Шпицбергену бурею принесённых. М., 1975. С. 54; Овсянников О.В. Север Кольского полуострова — контактная зона XVI в. // Исторические связи Русского Севера и Норвегии: (К 200-летию города Вардё). Сборник статей. Архангельск, 1989. С. 24—25; Овсянников О.В. Поморская промысловая «энциклопедия» конца XVIII в. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 81—82.

³⁰ ГА АО, ф. 309, оп. 3, д. 15, л. 9 об., 14 об.; оп. 4, д. 5, л. 17 об.—18; оп. 5, д. 9, л. 12—12 об.; д. 13, л. 38; Архив СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 2, д. 81, л. 26 об.

³¹ РГАДА, ф. 1201, оп. 5, д. 4836, л. 9—9 об.

³² ГА АО, ф. 51, оп. 6, т. 1, д. 248, л. 1, 12—16 об., 30—31.

говора с мурманской артелью. В Соловецком монастыре организацией промысла ведали настоятель и монастырский собор³³. Отдельное место в этом вопросе отводилось территориальным и вотчинным службам. Для Николо-Корельского монастыря большую роль играла территориальная служба в Холмогорах. Главной обязанностью приказчиков была отправка людей с грузами на побережье Баренцева моря. Для этого в конце XVII в. приказчики задействовали не только монастырскую лодью, но и суда других промышленников. Аналогичную роль Холмогоры играли и для Антониево-Сийского монастыря. Книги «вешнего судового отпуска» фиксируют подготовку и последующую отправку морских судов (лодей и коча) к местам промысла на Белом (Летний, Зимний и Терский берега) и Баренцевом (Мурманский берег и Новая Земля) морях³⁴.

Соловецкий монастырь, организуя промысел, опирался на вотчинную службу Сумского острога. При архимандрите Геннадие (1741—1761) Сумский острог превратился в его зимнюю резиденцию. Одна из главных задач приказчиков службы заключалась в подготовке снастей: уд, верёвок, пряжи и др.³⁵ Далеко не все монастыри имели сложившуюся административную и хозяйственную структуру, из-за чего вынуждены были привлекать к содействию состоятельных промышленников. Так, компаньоном Пертоминского Преображенского монастыря в 1690-х гг. был холмогорский промышленник И.Р. Губин. На выданные монастырём деньги он закупал припасы и доставлял их на своём судне на Мурманский берег³⁶.

Основу производственных отношений на морских рыболовных и зверобойных промыслах составляла артель — объединение промышленников с чётким распределением обязанностей и иерархической структурой. Численность артели зависела от возможностей организатора и потребностей промысла. На Новой Земле и Шпицбергене, где охота требовала больших трудовых затрат, артель одного судна составляла до 20 человек. На мурманском промысле артель карбаса состояла из четырёх промышленников. По данным конца XVIII в., в зависимости от численности работников выделяются три группы артелей мурманского промысла: малые (до 10 человек), средние (от 10 до 20) и большие (более 20 человек). Значительная часть артелей (86%) в 1796 г. состояла из малых и средних промысловых объединений. Крестьяне не имели возможности создавать крупные промысловые объединения. Казалось бы, ресурсы монастырей могли позволить формировать крупные артели. Однако анализ данных приходо-расходных книг показал, что это не совсем так.

Численность монастырских артелей только во второй половине XVII в. приближалась к крупным промысловым объединениям — свыше 20 работни-

³³ Там же, ф. 191, оп. 1, д. 1508, л. 52; РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 599, л. 105 об.; *Никонов С.А.* Зверобойный промысел... С. 14.

³⁴ ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 400, л. 13 об.; д. 776, л. 3; д. 781, л. 13 об.; д. 796, л. 9; д. 813, л. 7; д. 829, л. 7, д. 844, л. 9; д. 977, л. 20 об.; д. 1002, л. 8 об.; д. 400, л. 13 об., 42; д. 829, л. 8; д. 844, л. 9; д. 853, л. 1 об.; д. 914, л. 10 об., 39; Архив СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 2, д. 65, л. 5 об.—6, 7; д. 78, л. 7—10, 14 об.—15 об.; д. 80, л. 10 об.—12 об.; д. 84, л. 9—12, 14 об.—16 об.; д. 86, л. 7—8 об., 11 об.—13; д. 87, л. 5—6 об., 8 об.—10 об.

³⁵ *Богданова А.В.* О «зимних выездах» соловецких настоятелей в XVIII в., об одном кораблекрушении и утонувших книгах // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 13. Архангельск; М., 2014. С. 87—95; *Богданова А.В.* Соловецкий монастырь в Екатерининскую эпоху: из истории секуляризационной реформы 1764 года. М., 2017. С. 56, 123—124; РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 68, л. 138 об.; д. 135, л. 32 об.—33; д. 140, л. 15 об.—16; д. 144, л. 21—21 об.; д. 271, л. 22; д. 281, л. 23, 27 об.—28, 73; д. 308, л. 18—18 об.; д. 333, л. 8 об.—9 об.; д. 351, л. 8, 8 об., 17 об.—18 об.

³⁶ ОПИ ГИМ, ф. 226, оп. 1, д. 4, л. 20, 22.

ков (см. табл. 1), а с начала XVIII в. сокращалась. Ежегодно на Мурманский берег Николо-Корельский монастырь отправлял 8, Крестный Онежский монастырь и Холмогорский архиерейский дом — от 8 до 16, Соловецкий — от 16 до 20 промышленников³⁷. Сокращение численности артелей свидетельствует об упадке промысла. К середине XVIII в. духовные организации прекратили добычу рыбы на Мурмане: в 1755—1756 гг. — Николо-Корельский, после 1758—1759 гг. — Крестный Онежский монастырь и Холмогорский архиерейский дом. Более продолжительный промысел Соловецкого монастыря прервался в 1809 г. нападением английского судна на Кильдинское становище³⁸.

Таблица 1

Численность артелей мурманского промысла монастырей и архиерейского дома во второй половине XVII в.

Период	Количество монастырских промышленников				
	Николо-Корельский	Крестный Онежский	Соловецкий	Антониев-Сийский	Холмогорский архиерейский дом
1650—1680 гг.	—	от 8 до 16	32	4	—
1681—1700 гг.	от 8 до 12	от 16 до 24	от 16 до 32	от 4 до 16	от 24 до 32

Подсчитано по: Архив СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 2, д. 45, л. 45 об.; д. 49, л. 65; д. 52, л. 40 об.; д. 56, л. 64; д. 66, л. 44, 49; д. 74, л. 38 об.—39; д. 75, л. 25 об.; д. 77, л. 44 об.—45; д. 79, л. 32—33; д. 81, л. 45—45 об.; д. 82, л. 49; д. 85, л. 34—34 об.; д. 89, л. 16; д. 91, л. 22 об.—23; *Никонов С.А.* «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 217.

Значение промысла очень ярко выражено в словах крестьян Соловецкого монастыря: «Пахотных земель у нас не имеется, а у которых и есть самое малое число... и то от морских ветров и стуж вызябает, понеже прилегли мхи и болота, каменные места». Основу благосостояния составляли морские рыбные и звериные промыслы: «Ходим... в марте месяце до Мурманского берега, а до станов своих проезжаем в шнеках меж лдами двести верст в путех». Продукция промысла использовалась для личного потребления и реализовывалась на рынке: продавалась на Мурманском берегу или в Архангельске иностранным (в XVI — начале XVIII в.) и русским купцам. По словам соловецких крестьян, на деньги, вырученные от продажи рыбы, покупались «хлебные припасы... себе на препитанье и впредь на подъем промыслов»³⁹.

В конце XVIII в. власти начали контролировать движение хлеба из Архангельска «в российские города, селения и на Мурманской российской берег» в связи с участвовавшими случаями перевозки зерна в Финнмарк для нелегальной торговли. Таможенные органы снабжали судовладельцев аттестатами, где указывались сведения о вывезенных в разные города и места хлебных и прочих припасах. На местах «градские и земские начальники» должны были удостовериться, что припасы привезены и израсходованы в соответствии с аттестатом. В 1789 г. в Кемь, один из центров Поморья, выходцы из которого являлись постоянными участниками арктических промыслов, суда 23 судовладельцев до-

³⁷ *Никонов С.А.* «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 217—218.

³⁸ ГА АО, ф. 191, оп. 2, д. 372, л. 29; д. 383, л. 15; Архив СПбИИ РАН, ф. 255, оп. 2, д. 46, л. 13 об.—14 об.

³⁹ РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 404, л. 2, 9.

ставили муку, зерно и крупы из Архангельска. Припасы закупили после продажи рыбы мурманского промысла. Привезённые продукты были израсходованы на личное потребление семей судовладельцев (20%), раздачу другим семьям (58%), наконец, на продажу (13%).

Раздача припасов охватила 131 семейство (472 человека)⁴⁰. Она не была безвозмездной и предполагала возврат. Некоторые из получателей принадлежали к числу мурманских промышленников⁴¹. Продажа добытой мурманской рыбы обеспечивала благосостояние судовладельцев и других жителей Кеми, позволяла возобновить промысел в следующем году.

Задача обеспечения личных потребностей заметна и в монастырском хозяйстве, правда, в большем, чем в крестьянской среде, масштабе. Согласно тетрадам приёма и раздачи рыбы Крестного Онежского монастыря за 1697—1749 гг., значительная часть продукции мурманского промысла (от 29 до 78%) уходила на раздачу по службам, тогда как доля проданной рыбы никогда не превышала 50%⁴². Таким образом, промысел в большей степени был ориентирован на обеспечение натуральных потребностей обители, в меньшей — на рынок.

Государство в XVI—XVII вв. не вмешивалось в развитие арктических промыслов. Воздействие власти ограничивалось взиманием таможенных пошлин с промышленников и судов, добытой рыбы и морского зверя, производимых торгов. Для этих целей действовали таможни в Кольском и Пустозерском острогах, а на Мурманский берег выезжали целовальники⁴³. Ситуация изменилась в начале XVIII в. В 1703—1704 гг. была создана монополия, даровавшая А.Д. Меншикову и его компаньонам право на скупку продукции зверобойного промысла, а в 1723—1729 гг. организовали китоловную компанию, отправлявшую суда к берегам Шпицбергена⁴⁴. Эти безусловно важные начинания власти заслуживают собой такое новшество, как организация государевых промыслов на Мурманском берегу. Царским указом от 9 января 1704 г. все рыбные ловли в государстве передавались в ведение Ижорской канцелярии⁴⁵. Они могли быть сданы в аренду через аукцион или использованы для создания государственного хозяйства. Второе имело явное преимущество, заключавшееся в неограниченном субсидировании из местных бюджетов.

Создание государевых промыслов на Мурманском берегу стало возможным благодаря челобитной архиерейского сына боярского Михайлы Окулова, поданной в 1704 г. Он обратил внимание власти на концентрацию здесь промысловых владений Холмогорского архиерейского дома, которому, помимо пожалованных, принадлежали промыслы покойного опального царедворца Л.Р. Неплюева⁴⁶ и Троицкого Печенгского монастыря. Заполучив обширные владе-

⁴⁰ Научный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. 253, оп. 1, д. 290, л. 2 об.; ГА АО, ф. 1, оп. 3, д. 153 а, л. 69—75 об.

⁴¹ НА РК, ф. 259, оп. 1, д. 154, л. 8 об.—10 об.

⁴² Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 324.

⁴³ Там же. С. 329—338.

⁴⁴ Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А. Поморские промыслы... С. 27—66; Веберман Э. Китобойный промысел в России. Ч. 1 // Известия Московского коммерческого института. Коммерческо-техническое отделение. Кн. 2. М., 1914. С. 30.

⁴⁵ ПСЗ-1. Т. 4. № 1956. С. 232—240.

⁴⁶ Ушаков И.Ф. Ссылка на Кольский Север в досоветское время. Мурманск, 2007. С. 28—29; Никонов С.А. Акты Троицкого Печенгского монастыря конца XVII — начала XVIII в. из архива канцелярии епископа Архангельского и Холмогорского // Вестник церковной истории. 2018. № 1/2(49/50). С. 89—90, 105—106, 111—113.

ния, Холмогорская епархия не смогла ими должным образом распорядиться. По словам Окулова, архиерейский дом продавал треску и палтуса иностранным и русским купцам «самою малою ценою». В ответ на челобитную власти поручили двинскому воеводе передать промыслы Холмогорского архиерейского дома, Печенгского и Кандалакшского монастырей в ведение государства под управлением Окулова⁴⁷. Изъяв имущество (промысловые станы, суда, снасти), с весны 1705 г. государевы промышленники приступили к добыче рыбы. Властям удалось мобилизовать значительные людские и материальные ресурсы: 21 судно, на котором трудились 120 работников. Такое количество промышленников не могла выставить ни одна духовная организация, не говоря о крестьянах.

Государевы промыслы были комплексной системой хозяйства, не ограниченной только добычей трески и палтуса на Мурманском берегу. Специальные промышленники занимались ловом сёмги на реках Кола, Воръема, Печенга, Лица Большая и Малая, Ура, Териберка, охотой на пушного зверя (прежде всего бобра), добычей жемчуга⁴⁸. Рыбу продавали иностранным и русским купцам и сдавали по минимальной цене компании Меншикова. Однако добиться успеха государевым промышленникам не удалось. Уже на начальном этапе возникли трудности со строительством необходимого количества крупных морских судов (лодий) для транспортировки грузов, не были вовремя поставлены в становища продукты, должностные лица, ответственные за руководство промыслом, не согласовывали свои действия.

Таблица 2

Доходность государевых мурманских промыслов в 1704—1708 гг.

Год	Выделено на промысел	Доход от промысла	Чистая выручка
1704	1 103 руб. 51 коп.	1 358 руб. 20,5 коп.	254 руб. 30,5 коп.
1705	619 руб. 31 коп.	1 303 руб. 38,5 коп.	684 руб. 7,5 коп.
1706	1 024 руб. 22 коп.	962 руб. 60,5 коп.	— 61 руб. 61,5 коп.
1707	462 руб. 2,3 коп.	1 131 руб. 44 коп.	669 руб. 41,7 коп.
1708	1 237 руб. 23,5 коп.	1 739 руб. 9,5 коп.	502 руб. 67 коп.

Подсчитано по: Архив СПбИИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 285, л. 22 об.—26 об.; РГАДА, ф. 26, оп. 1, кн. 14, л. 149—153 об.

За пять лет деятельности государевых промыслов общая доходность колебалась от 23 до 140%, за исключением 1706 г., когда выделенные средства вовсе не окупились (см. табл. 2). Получить устойчивый доход организаторам промыслов не удалось. Значительная сумма — 236 руб. 23 коп. — была утаена Окуловым при совершении неучтённых операций (продаже рыбы, сдаче угодий на оброк). Уже с начала 1710-х гг. началось сворачивание государевых промыслов. Численность рыбаков сократилась до 24—44 человек, Холмогорскому архиерейскому дому вернули мурманские владения⁴⁹.

⁴⁷ Сборник материалов по истории Кольского полуострова... С. 124—127.

⁴⁸ РГАДА, ф. 26, оп. 1, кн. 3, № 9, л. 61 об.; № 14, л. 90—90 об.; № 118, л. 586.

⁴⁹ РГАДА, ф. 26, оп. 1, кн. 14, л. 156 об.—157; Архив СПбИИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 317, л. 13; д. 324, л. 3 об.; *Никонов С.А.* Хозяйственное освоение Мурманского берега Кольского полуострова Холмогорским архиерейским домом на рубеже XVII—XVIII веков // Вестник Удмуртского государственного университета. Сер. История и филология. 2012. Вып. 3. С. 27, 29.

Неудачным оказался и опыт китоловной компании. Идею её создания на принципах акционерного общества подсказал Петру I голландец Б. Небель ещё в 1698 г. Практическая реализация идеи оказалась возможной только к середине 1720-х гг. Тогда на верфях архангельских купцов Бажениных построили три китобойных корабля и малые промысловые суда, была создана промысловая база в Екатерининской гавани Кольского залива. Воплощение идеи оказалось неудачным. Во время пути из Архангельска в Колу один из кораблей «остановился на мели и остался у города». Из оставшихся двух судов «Валфиш» получил повреждения от столкновения со льдами во время похода на Шпицберген. Имели место трения между руководителями компании, вызывал недовольство нанятый капитан Делонг, который, как выяснилось, «в Груланде хотя и бывал, но командорской и стюрманской службы не ведает». Превратить компанию в действующее акционерное общество также не вышло: купцов, желающих купить паи-акции (от 500 до 4 тыс. руб.), не нашлось, неудачной оказалась и попытка привлечь капитал помещиков или крестьян. Результатом деятельности компании была добыча трёх китов, найденных выбросившимися на берег, а также треска, рыбы и звериное сало, купленные у промышленников и перепроданные иностранным купцам в Коле и Архангельске⁵⁰.

Возникший у государства интерес к арктическим промыслам позволил поставить вопрос об их дальнейшем развитии. Последнее нашло отражение в проектах государственных деятелей, в частности архангельского губернатора Е.А. Головцына⁵¹. В проекте 1768 г. рассматривалась в том числе и перспектива китобойного промысла в России. Европейский опыт убедил губернатора в том, что «тот морской промысел для комерции, так и для приучения в мореплавании искусных матрозов и афицеров» имеет большое значение. Российские матросы, ходившие в Европу, рассказывали, что промышленники из норвежского Бергена ежегодно возвращались от берегов Шпицбергена домой «весма с прибыльным грузом», оставив позади себя конкурентов — «агличан, гамбурцов и галанцов». Основываясь на их показаниях, губернатор убеждал власти в том, что для норвежцев путь на промысел и обратно не был затратен по времени, составляя два-три месяца⁵². Альтернативой Бергену, по мнению губернатора, могла стать Кола, где и следовало на казенные средства организовать базу китобойного промысла.

⁵⁰ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 4, д. 7853 а, л. 145—150; *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 182—183; *Фирсов Н.Н.* Русские торгово-промышленные компании в 1-ую половину XVIII столетия. Казань, 1896. С. 65—66; *Лапто-Данилевский А.С.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в. СПб., 1899. С. 20—21, 53; *Веберман Э.* Указ. соч. С. 30—31, 37—38, 46—50; *Дадькина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А.* Поморские промыслы... С. 30—31, 142, 144, 158—159, 178, 272—282; *Шумилов Н.А.* Архангелогородский летописец: (генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли): генеалогический справочник. Архангельск, 2009. С. 139.

⁵¹ РГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 238, л. 3—26, 122 об.—127; *Веберман Э.* Указ. соч. С. 46—47, 59—62, 93—97; *Дадькина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А.* Поморские промыслы... С. 37—44; *Белов М.И.* Арктическое мореплавание... С. 345—346; *Эмеров Б.Д.* К истории китобойного промысла на Русском Севере // Летопись Севера. Вып. 3. М., 1962. С. 192; *Ковальчук А.В.* Об экономической свободе, северных морских промыслах и архангелогородском губернаторе Е.А. Головцыне (1760—1770-е гг.) // Образы аграрной России IX—XVIII вв. Памяти Натальи Александровны Горской. М., 2013. С. 239—241; *Ковальчук А.В.* Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в. Идеи и практика. СПб., 2017. С. 34—69, 74—101; *Никонов С.А.* «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 356—360.

⁵² РГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 238, л. 23 об.—24.

Китобойный промысел оценивали как перспективный и современники губернатора, в частности академик И.И. Лепехин. Участник академических экспедиций 1768—1774 гг., приверженец идей Просвещения, учёный рассматривал промыслы русских крестьян как отсталые, требующие модернизации⁵³. Несмотря на это, у русских промышленников были «руки, сила и смелость», для того чтобы наравне с европейцами заниматься добычей китов в Арктике. Дело оставалось за архангельским купечеством, которое, благодаря пожалованию привилегий Екатериной II, смогло «превосходить своих предшественников в торговле»⁵⁴. Однако до конца XVIII в. практических результатов эта дискуссия не имела. Возвращение к проектам организации китобойного дела произошло в начале XIX в. в связи с созданием Беломорской промысловой компании (1803—1813), одним из учредителей которой выступил император Александр I. Не были оставлены в новом веке и проекты освоения Арктики, подготовленные чиновниками, купцами и учёными⁵⁵.

Купечество стало играть заметную роль в промысловом освоении Европейской Арктики со второй половины XVIII в. Существенным фактором, повлиявшим на интерес торгово-промышленных слоёв Русского Севера к занятию зверобойными промыслами, стали изменения в экономической политике России. В правительственных кругах со второй половины 1750-х гг. поднимался вопрос об отмене монополий, находившихся в руках высокопоставленных лиц. Наконец, указами Петра III и Екатерины II монополии были ликвидированы, торговля и промыслы переданы в ведение частных лиц⁵⁶. Это отвечало заветным желаниям архангельского купечества. В наказе 1767 г. депутату Уложенной комиссии сообщили, что продажа рыбного и звериного сала, которая велась через монополию гр. Петра Шувалова, приносила большие убытки⁵⁷, заметив, что «торг салом ворванным и кожами, и что ко оному принадлежит купеческому праву гражданства узаконить волным и принадлежащим архангелогородскому гражданству вечно, а в монополии и посторонняя руки впредь не отдавать». Ответом на просьбу купечества стал указ от 11 августа 1768 г., подтвердивший отмену монополии Шувалова и передавший «выпуск сала за море... на десять лет одному только купечеству города Архангельского». В 1778 г. этот указ был подтверждён⁵⁸.

Отмена монополии вызвала настоящий ажиотаж среди архангельских купцов, бросившихся заключать подряды с крестьянами-промышленниками на закупку сала, уплачивая по контрактам «большую цену». Именно к этому времени — 1768—1769 гг. — В.В. Крестинин отнёс начало организации купцами зверобойного промысла «за морем». В действительности первые экспедиции

---

⁵³ Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. Т. 1. СПб., 2003. С. 36—65; Бекасова А.В. Изучение Российской империи экспедициями 1760—1780-х гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 13—31.

⁵⁴ ПСЗ-И. Т. 18. № 13141. С. 695—696.

⁵⁵ Заозерский Д.С. Проекты по освоению Новой Земли и Шпицбергена в XIX — начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 5—13.

⁵⁶ Ковальчук А.В. Экономическая политика... С. 34—69, 74—101.

⁵⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 123. СПб., 1907. С. 448; Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельске. СПб., 1792. С. 23.

⁵⁸ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 7, д. 12941, л. 47—47 об.; ПСЗ-И. Т. 18. № 13141. С. 695—696. Текст указа воспроизведён в работе В.В. Крестинина (Крестинин В.В. Указ. соч. С. 35—36).

состоялись несколькими годами ранее. Одним из первых к берегам Шпицбергена в 1766 г. отправил своё судно архангельский купец Семён Бусинов, участник морской торговли со странами Европы⁵⁹. Отмена монополии Шувалова и передача промысла и торгов салом в руки архангельских купцов привели к росту хозяйственной активности. Купцы не только выступали посредниками в торговых операциях, закупаая сало у крестьян и перепродавая его иностранцам, но и сами участвовали в международной торговле и организовывали промысловые экспедиции «за море». К 1782 г. в распоряжении купцов находилось 91 морское судно⁶⁰.

В 1770—1780-х гг. организаторами промысла были купцы Алексей Голубин, Андрей Дудин, Никифор Зыков, Василий Морянинов, Никифор Свешников. Их участие в промысле на Шпицбергене не выглядит случайным. Голубин и Зыков являлись судовладельцами, имевшими 8 и 5 судов соответственно. Голубин, Свешников и Зыков имели судостроительное и канатное производство, вели морскую торговлю со странами Западной Европы. С промысловой деятельностью Голубина связана продажа моржовых кож Кольвано-Воскресенскому заводу на Урале. Дудин в конце 1770-х и в 1782 гг. отправлял суда для промысла и торговли в прибрежных районах Финнмарка. В начале 1770-х гг. в промысел на Шпицбергене включился купец Матвей Стукачёв. Обывательская книга Архангельска 1786—1788 гг. сообщает об отправке им судов для «сальных и звериных морских промыслов». В 1790-х гг. он регулярно посылал четыре судна на Новую Землю и Шпицберген⁶¹.

В конце XVIII в. на место прежних организаторов промысла пришли новые: дядя и племянник Козьма и Афанасий Амосовы, Михаил Плотников с сыном, Василий Окольнішников. Масштабы их деятельности были заметно меньше: каждый из них снаряжал не более двух судов. Организаторы промысла конца XVIII в. принадлежали к первой (Стукачёв) и второй (Окольнішников, Плотников, Амосовы) купеческим гильдиям. Их объявленные капиталы в разные годы колебались от 8 до 20 тыс. руб. Для сравнения, архангельские купцы третьей гильдии, участвовавшие в промысле на Мурманском берегу, заявляли суммы от 1 до 2 тыс. руб.⁶²

Не только архангельское купечество занималось промыслами на Шпицбергене и Новой Земле. В 1780—1790-х гг. сюда устремились вологодские и тотемские предприниматели. Вологодский купец Фёдор Колесов в 1783 г. заказал строительство морского судна для «китоловных и звериных промыслов». Тотемский купец первой гильдии Иван Кузнецов не только отправил судно на Грумант, но и вёл торговлю и промыслы в водах Финнмарка. Его партнёрами

---

⁵⁹ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 4, д. 7114, л. 53; *Крестинин В.В.* Указ. соч. С. 23, 41; *Шумилов Н.А.* Архангелогородский летописец... С. 153.

⁶⁰ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 8, д. 170, л. 4—5 об.; Архангельский Север в документах истории (с древнейших времён до 1917 года). Архангельск, 2004. № 114. С. 192—195.

⁶¹ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 11663, л. 5—5 об.; т. 7, д. 12721, л. 5—5 об.; д. 13314, л. 84; т. 8, д. 327, л. 1—1 об.; ф. 49, оп. 4, д. 1, л. 55 об., 97 об.—98 об.; оп. 2, д. 35, л. 85; Архангельский Север в документах истории... С. 192, 194; *Шумилов Н.А.* Архангелогородский летописец... С. 161—162, 180, 261; *Лепехин И.И.* Указ. соч. С. 147.

⁶² ГА АО, ф. 49, оп. 2, д. 35, л. 23, 85, 96; д. 54, л. 38, 206; д. 69, л. 5, 168, 198; оп. 4, д. 1, л. 3—3 об., 55 об., 79—80, 97 об.—98 об.; д. 3, л. 4 об., 46, 117—117 об., 125 об.; *Шумилов Н.А.* Архангелогородский летописец... С. 129, 230, 239, 268; *Никонов С.А.* Участие архангельских купцов в мурманском рыбном промысле в конце XVIII в. // Полярные чтения — 2019. Арктика: вопросы управления. М., 2020. С. 61.

были вологодские купцы братья Матвей и Василий Киселёвы⁶³. Согласно обывательской книге 1785 г., интерес к промыслам на побережье Баренцева моря проявляли и купцы Онеги И.М. Дьяков, И.К. Лыткин, М.С. Фокин. Дьяков уже в 1787 г. упоминался архимандритом Соловецкого монастыря Иеронимом как вкладчик, обещавший пожертвовать 200 руб. «от грунландского промысла». С ним же в июле 1791 г. встретался путешественник и просветитель П.И. Челищев, сообщавший, что семь судов Дьякова ходили на Мурманский берег и Шпицберген⁶⁴. Организаторами полярных промыслов были и купцы Колы — города, имевшего самый близкий выход в Баренцево море. Пионером в организации добычи зверя стал купец Андрей Герасимов. Откликнувшись на указы 1764 и 1768 гг. о возобновлении китобойного и передаче зверобойных промыслов в частные руки, купец в 1772 г. смог добыть трёх китов в Кольском заливе. В 1774—1775 гг. он добыл ещё несколько животных, сало которых продал в Архангельске бранденбургскому купцу. Развить успех Герасимов не смог, переключившись на другие виды деятельности, в том числе промыслы на Шпицбергене. В конце 1770-х гг. сюда же отправили своё судно ещё два местных купца-компаньона — Пётр Турчасов и Иван Горюшков⁶⁵.

Организация купцами промыслов на полярных архипелагах опиралась на накопленный за столетия опыт крестьянства и монастырей. Основу хозяйственной деятельности составляла артель, нанимаемая на условиях покрута; добыча морского зверя, лов рыбы, охота на пушного зверя осуществлялись уже выработанными приёмами и с использованием традиционных орудий. Новшество составлял коммерческий характер купеческого промысла, ориентированного на извлечение максимальной выгоды от продажи добытого. Полагаю, что добиться прибыли купцы пытались не за счёт использования передовых технологий, а увеличивая сроки промысла. Входили в практику отправки экспедиций с зимовкой на полярных архипелагах. В договоре, заключённом 5 июня 1778 г. каргопольскими купцами Лаврентием Дьяковым и Петром Кошириным с кормщиком Филатом Вожевольных, заявлено, что промышленники должны находиться на Шпицбергене до тех пор, пока «мы оное судно наше промыслами и салом со удовольствием наполнить и наг[рузить] возможен, так чтобы в обратной путь следовать можно». С неполным грузом промышленники не должны были возвращаться, даже если бы им пришлось оставаться на Шпицбергене до «лета или осени» следующего года⁶⁶.

Отправка промышленников на годичное пребывание на Шпицбергене и Новой Земле становилась стратегией купечества Русского Севера. В прошениях купцов об отпуске судов и артелей в море, поданных в губернское правление, отмечалось, что большие запасы продуктов отвозили на архипелаги на случай «внезапного зимовья». Заявить прямо о длительности «вояжа» организаторы

⁶³ ГА АО, ф. 1, оп. 8, д. 8, л. 172 об.—173, 233 об.—234, 268 об.—269; д. 337, л. 1—1 об.; оп. 9, д. 70, л. 15, 23; д. 86, л. 22, 64; *Адаменко О.Н., Яшина О.В.* Кости морских млекопитающих в Вологодском крае в XIV—XIX веках (по данным письменных источников и музейных коллекций) // Археология в музейных коллекциях. Архангельск, 2019. С. 150—151, 153.

⁶⁴ ГА АО, ф. 1, оп. 9, д. 2, л. 9 об.—10, 22 об.—23, 32 об.—33; ф. 51, оп. 6, т. 1, д. 249, л. 47; РГАДА, ф. 1201, оп. 5, д. 5398, л. 7; *Челищев П.И.* Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886. С. 58.

⁶⁵ ГА АО, ф. 10, оп. 1, д. 112, л. 5, 5 об.; Государственный архив Ярославской области, ф. 72, оп. 3, д. 9, л. 10 об.; ПСЗ-І. Т. 16. № 12158. С. 764; Т. 18. № 13141. С. 695—696.

⁶⁶ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 7, д. 13798, л. 6 об.

промысла не решались, поскольку паспорта, дающие право отъезда из родных мест, выдавались на ограниченный срок. Напротив, европейские китобои, промышлявшие у берегов Шпицбергена и Гренландии в XVII—XVIII вв., не практиковали зимовки: добыча и разделка китов проводилась за один сезон. Редкие известные случаи зимовок европейцев были вызваны форс-мажорными обстоятельствами (поломкой судна, кораблекрушением)⁶⁷.

Существенной особенностью купеческих промыслов являлось стремление действовать в одиночку либо с одним-двумя компаньонами, родственниками или близкими друзьями. Возникшая в начале XVIII в. в Архангельске мореходная компания купцов Бажениных просуществовала недолго и не стала примером для последующего развития. Опыт деятельности других купеческих компаний в России, функционировавших по принципу акционерных обществ (Персидская, Темерниковская, Средиземноморская), также не получил распространения⁶⁸. Неудивительно, что когда в конце XVIII в. власть решила привлечь архангельское купечество к развитию китобойного промысла в Европейской Арктике, то получила отказ. Архангельская городская дума подала губернатору И.Ф. Мезенцову рапорт о причинах невозможности этого начинания, среди которых указала на отсутствие в России финансовых институтов (банковской системы), готовых взять на себя кредитование и страхование «морских вояжей»⁶⁹. В рапорте подняли проблему сдерживающих факторов в развитии отечественного предпринимательства. Процесс модернизации морских промыслов, начатый в XVIII в. государством и предполагавший усвоение европейских технологий и включение в международную торговлю, к концу столетия вызвал интерес и у купечества. Но отсутствие значительных капиталов и неразвитость банковской системы препятствовали реализации государственных планов организации китобойного дела, способного конкурировать с европейцами.

На рубеже XVIII—XIX вв. произошло сворачивание промысловой активности купечества в Европейской Арктике. Купец М.А. Стукачёв среди причин перехода в 1798 г. из второй в третью гильдию указывал «немалые убытки», понесённые при организации «морских салних и горних промыслов на Шпицберген и Новую Землю». Существенные убытки понесли и купцы Амосовы, судно которых, возвращавшееся с Новой Земли в 1798 г., «за поздним временем, и болшими погодами, и стужами» вынуждено было зазимовать на р. Камбалице. Общим местом стало утверждение купцов о затратности промысла, не приносящего выгоды: «В случае лишения судна и неполучения промысла хозяева имеют убытку от шести тысяч рублей и менее, смотря по отпуске и сооружении онаго»⁷⁰. Существенный риск представляли и зимовки на Шпицбергене и Новой Земле, нередко оборачивавшиеся гибелью промышленников. В промысловый сезон 1774—1775 гг. на острове Медвежьем погибли артели архангельских купцов Андрея Дудина и Никифора Зыкова из 20 человек. Еже-

⁶⁷ Там же, ф. 4, оп. 9, д. 70, л. 1, 5, 11, 15, 16; д. 75, л. 1, 7; д. 77, л. 3, 5, 7; *Hacquebord L.* Five Early European Winterings in the Atlantic Arctic (1596—1635): A Comparison // *Arctic*. 1991. Vol. 44. № 2. P. 146—155.

⁶⁸ *Репин Н.Н.* Торговля России с европейскими странами... С. 158—159, 163—164; *Юхм А.И.* Торговые компании в России в середине XVIII в. // *Исторические записки*. Т. 111. М., 1984. С. 238—295.

⁶⁹ ГА АО, ф. 49, оп. 2, д. 114, л. 183—183 об.

⁷⁰ Там же, ф. 4, оп. 9, д. 89, л. 150 об., 151 об.; ф. 47, оп. 2, д. 59, л. 13, 17; ф. 49, оп. 2, д. 113, л. 129, 207 об.

годные рапорты купцов в Архангельское губернское правление о прибытии судов с полярных архипелагов содержат имена погибших промышленников⁷¹.

Освоение Европейской Арктики охватило прибрежные районы (побережье Кольского полуострова и Северной Норвегии), архипелаги Новая Земля и Шпицберген и острова Баренцева моря. Значительная роль в освоении региона принадлежала крестьянству, начавшему вести промыслы рыбы и морского зверя не позднее середины XVI в. В ходе освоения возникла специализация районов Русского Севера на промысловой деятельности в Арктике. Выходцы из волостей Кольского уезда и прибрежных районов Белого моря осваивали Мурманский берег, жители Мезени и Пинеги — Новую Землю, а впоследствии Шпицберген. Крестьяне и посадские люди Подвинья ходили и на Мурман, и на архипелаги, что могло быть обусловлено как равной удалённостью мест ведения промысла, так и развитием региональной торговли в Архангельске и Холмогорах.

Промысловая колонизация региона монастырями Поморья прошла несколько этапов. На первом (вторая половина XVI — первая половина XVII в.) самостоятельными участниками промысла на Мурманском берегу были монастыри Кольского уезда, имевшие станы и снаряжавшие артели. Монастыри из прочих районов Русского Севера действовали совместно с другими промышленниками, либо ограничивались покупкой добытого. На втором этапе (вторая половина XVII — середина XVIII в.) крупные монастыри (Соловецкий, Антониев-Сийский, Крестный Онежский) обзавелись собственными промысловыми базами и ежегодно снаряжали артели. Считаю, что включение монастырей в мурманский промысел косвенно свидетельствует о росте объёмов вылова рыбы, но этот вопрос требует самостоятельного изучения. В отличие от мурманского, зверобойный промысел на Новой Земле и Шпицбергене не привлёк такого количества участников.

В процессе освоения Европейской Арктики возникла сеть промысловых посёлков — становищ, служивших базами ведения промысла, без которых оказалась невозможна регулярная связь с большой землёй и постоянная хозяйственная деятельность. Выработались и закрепились на длительный исторический период технология ведения рыбного и зверобойного промысла, способы обработки добытого. Новшества, если не считать использование некоторыми промышленниками-рыбаками компасов⁷², а зверобоями огнестрельного оружия, сюда практически не проникали, развитие морских промыслов законсервировалось до второй половины XIX в.

Организация крестьянами и монастырями промыслов на отдалённых территориях была возможна благодаря развитым формам трудовой кооперации и взаимопомощи, деятельности монастырских территориальных служб, традициям судостроения, что обеспечивало ежегодный характер промысла и позволяло рекрутировать работников. Для монастырей и крестьян промысел имел потребительское значение: добыча шла на личные нужды или реализовывалась на рынке.

Участие государства в промысловом освоении Арктики стало следствием модернизации начала XVIII в. Развитие этого процесса пошло по нескольким

---

⁷¹ Там же, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 11663, л. 5 об.; ф. 4, оп. 9, д. 70, л. 27; д. 75, л. 64, 65, 70, 71; д. 86, л. 47, 50, 51, 58, 64; д. 91, л. 20, 43 об.

⁷² Одно из первых упоминаний использования соловецкими промышленниками компаса относится к 1746 г. (РГАДА, ф. 1201, оп. 5, д. 1530, л. 306 об.).

направлениям: создание крупного рыбопромыслового хозяйства на Мурманском берегу (государевы промыслы), попытка освоить новые районы (Шпицберген) и включиться в европейскую торговлю, заимствование новых технологий (китобойный промысел) и организационных форм коммерческой деятельности (компания). Несмотря на масштабность замыслов, результаты их реализации оказались скромными. Государевы промыслы (1704 — начало 1710-х гг.) и китобойная компания (1723—1729) не просуществовали и десятилетия. Тем не менее они дали импульс к обсуждению проблемы развития арктических промыслов.

Коммерческими интересами были вызваны «вояжи» купеческих судов на архипелаги и острова Европейской Арктики. Отмена монополий во второй половине XVIII в., развитие гражданского морского судоходства и международной торговли позволили купечеству включиться в зверобойные промыслы. Наиболее заметной оказалась роль архангельских купцов. Используя отработанные веками технологии и способы ведения промысла, купцы, стремясь добиться максимальной прибыли, организовывали длительные экспедиции на полярные архипелаги. Значительные затраты, требовавшиеся для зимовок промышленников, неизбежные риски (гибель судов и людей) делали промысел непредсказуемым, создавая угрозу крушения всего предприятия.

Устойчивость крестьянского и монастырского рыболовного и зверобойного промыслов обеспечивалась сезонностью деятельности, что позволяло ограничивать затраты, развитием форм трудовой и социальной кооперации, включённостью в экономические отношения, обеспечивающие потребление участников и воспроизводство хозяйственной деятельности. Только со второй половины XIX в. развитие новых технологий промысла (траловый лов) и систем коммуникации (пароходное сообщение и телеграфная связь), заселение территорий (колонизация Мурманского берега) и конкуренция со стороны Норвегии вновь поставили вопрос о модернизации традиционных морских промыслов Поморья.